

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию **КОПЫРИНОЙ Сарданы Николаевны**

«Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала

в 20–50-е гг. XVIII в.»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 5.6.1 Отечественная история

Диссертационное исследование Сарданы Николаевны Копыриной представляет собой серьезную попытку применения концепта «социальная инфраструктура» при осмыслении феномена казенных заводских поселков на Урале в первой половине XVIII в. При этом под самим понятием «социальная инфраструктура» понимается «совокупность различных условий, без которых невозможно развитие материального производства и удовлетворение потребностей населения» (с. 32). Основываясь на теории Пьера Бурдьё, С.Н. Копырина осуществляет комплексный анализ «социального пространства» заводских поселков на Урале. В это пространство входят не только сами населявшие поселки рабочие с их семьями и управлявшие ими представители администрации, но также сами инфраструктурные объекты (церкви, богадельни, аптеки, школы, бани, питейные заведения и др.) и их служащие. На страницах диссертации С.Н. Копыриной все эти акторы и разнообразные инфраструктурные объекты причудливым образом переплетаются в конфигурации разнообразных социальных отношений. В работе анализируется широкий спектр вопросов, связанных с материальным и медицинским обеспечением, осуществлением социального контроля и общественного призора, функционированием системы учебных заведений, взаимоотношениями горнозаводских и церковных властей и мн. др. Большим достижением С.Н. Копыриной является привлечение к исследованию огромного количества

неопубликованных документов, в основном, сосредоточенных в ф. 24 «Уральское горное управление» Государственного архива Свердловской области. Вообще, данное исследование можно в бóльшей степени назвать архивным, нежели теоретическим или историографическим. И с этим связаны как его преимущества, так и его недостатки.

К несомненным преимуществам диссертации следует отнести то, что работа эта очень богато насыщена свежими, интересными и во многом даже неожиданными материалами. Видимо, каждый специалист по истории России первой половины XVIII в. сможет найти в этой работе какие-то данные, которые сможет использовать в своих исследованиях. Так, для меня было крайне интересно узнать, что на уральских заводах трудился один московский житель, который ранее промышлял тем, что ловил в Москве «разных чинов людей в русском платье и с бородами, и за отпуск имал с них взятки» (с. 36). Причем в самих заводских поселках за исполнением указов о брадобритии и «ношении немецкого платья» следили тщательно. Как следует из паспортов, выдававшихся рабочим, на них накладывалось обязательство «содержать себя в чистоте, платье немецкое носить и бороду брить» (с. 66). Но, судя по всему, все-таки эти меры не очень-то помогали, раз пьяные священнослужители в драках могли выдирать бороды у мастеровых (с. 193). Мне остается только сожалеть о том, что у меня не было этой диссертации год назад, когда я завершал работу над монографией о брадобритии при Петре I, в противном случае я бы непременно включил все этим интереснейшие данные в свою книгу¹. Точно также любой специалист по истории России XVIII в. найдет в этой работе что-то свое. Так, для историков медицины, возможно, будет откровением узнать, что медики в Екатеринбургском госпитале 40-х гг. XVIII в. ставили диагноз «рак» (например: «у оного Лаврова содержит болезнь, называемая рак, которая сперва на языке оказалась и от того половину языка отъело и ныне пустилась

---

¹ См.: Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М., 2022.

в горло») и даже умели лечить это заболевание с помощью применения ртути (с. 157). Специалистов по женской истории наверняка очень заинтересует тот факт, что некоторые жительницы поселков казенных заводов Урала XVIII в. могли достаточно свободно рассуждать о своих сексуальных потребностях, как это делала одна уличенная в супружеской измене женщина, которая на следствии объясняла свой поступок тем, что муж ее «телесной охоты утулить не может» (с. 107). В общем, эта работа – настоящей кладью интереснейших и новых данных, извлечённых из архива, которые могут быть полезны исследователям самых различных предметных областей российского XVIII в.

Недостатки обсуждаемой диссертационной работы (к характеристике которых я перехожу) являются, как говорят, продолжением ее достоинств. Из минусов я бы прежде всего выделил бы скорее описательный, нежели аналитический характер этой работы. Избежать излишней описательности автору помогла бы более пристальная рефлексия над главной проблемой исследования и более строгая фокусировка на этой проблеме (т.е. постоянные размышления над тем, *что* и *как* мы изучаем, какие промежуточные выводы при этом получаем, а главное, что они нам дают для решения главной проблемы исследования). Вообще, чувствуется, что теория – не «главный конек» автора данного диссертационного исследования. Посмотрим, например, на формулировку объекта исследования: «Объектом исследования является социальная инфраструктура казенных заводских поселков Урала, сформировавшаяся в результате взаимодействия горнозаводской администрации и подчиненных ей категорий работников и служащих казенных заводов» (с. 4). Однако под «объектом» в науке обычно понимается некая независимая от субъекта и неизменяемая часть реального мира. Может ли «социальная инфраструктура» рассматриваться в качестве независимой от субъекта познания и неизменяемой части реального мира (иными словами, выступать в качестве «объекта»)? Очевидно, что нет, если сама С.Н. Копырина признает, что существуют разные определения понятия «социальная инфраструктура», разные подходы к изучению этого явления, а

стало быть, наполнение этого понятия конкретным содержанием зависит от самого исследователя (с. 32). А это означает, что «социальная инфраструктура» может выступать в качестве «предмета», но не «объекта» научного исследования. Кстати говоря, «объект» и «предмет» Сарданой Николаевной не очень-то различаются:

«Объектом исследования является социальная инфраструктура...».

«Предметом исследования выступает организация социальной инфраструктуры...» (с. 4).

Принципиальной разницы между этими определениями я не вижу. Получается, что и «объектом», и «предметом» исследования является «социальная инфраструктура».

Почему я так придирчив к этим формулировкам? По моему глубокому убеждению, эти определения – не простая формальность, не досадные «издержки» жанра квалификационного исследования: от того, насколько точно они сформулированы, зависит настройка «исследовательского фокуса», которая, в свою очередь, влияет и на выводы исследования.

Несомненно, полученные в результате долгих архивных изысканий эмпирические данные позволили автору сделать довольно много новых и весьма важных наблюдений в основной части работы. Но не скорою, что когда я читал выносимые на защиту положения, а также выводы, меня не оставлял вопрос, в чем же заключается новизна данного исследования? Сразу поясню, что я сам несколько не сомневаюсь в новизне данной работы. Я лишь хочу немного покритиковать то, как сам автор эту новизну в своих выводах и выносимых на защиту положениях представляет.

Рассмотрим, например, первое же выносимое на защиту положение:

«В первой половине XVIII в. на Урале шло активное строительство казенных заводов, и горнозаводское ведомство в поселениях при них организовывало строительство казенных квартир для работников, поощряло возведение ими собственных домов, в качестве важного дополнения к оплате труда – разведение скота, предпринимало меры по борьбе с его падежом,

выделяло участки под покосы; брало на себя организацию ярмарок и торжков для обеспечения населения продуктами питания, одеждой, обувью; доставку в поселения таких важных для питания продуктов как хлеб и соль» (с. 27).

Возникает вопрос, какие именно тезисы этого положения («на Урале шло активное строительство казенных заводов», «горнозаводское ведомство... организовывало строительство казенных квартир» и далее по списку) содержат в себе новое знание? Мне сложно представить, что в предшествующей литературе (в том числе в специальных монографических исследованиях) не описывалось «активное строительство казенных заводов», тесно связанные с этим мероприятия по обеспечению работников жильем и т.д. В чем же тогда заключается новизна этого положения?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к разделу «Степень разработанности темы». Здесь С.Н. Копырина допускает ошибку, свойственную многим диссертантам: она идет по пути краткого аннотирования той литературы, которая оказалась ею «привлечена» для «выполнения поставленных задач» (с. 5). Однако сам подзаголовок («степень разработанности темы») подсказывает, что в данном разделе следует не просто перечислять те работы, которые оказались в чем-то полезными диссертанту, а именно *анализировать* апробированные ранее разнообразные подходы к изучению главной темы диссертации с особым акцентом на новизне собственного исследования. Мне кажется, здесь не стоило «размывать» повествование перечислением книг, не имеющих к главной теме никакого отношения (например, к чему здесь упоминание книги Марка Блока «Короли-чудотворцы?»), а сосредоточиться именно на *подробном разборе* тех работ, в которых непосредственно изучалась социальная инфраструктура на промышленных объектах России XVIII в. А таких работ ведь немало, но в диссертации они, увы, не анализируются (некоторые только перечисляются).

Прочитую один фрагмент историографического раздела:

«Изучением истории заводов и заводских поселков занималась Р.М. Лотарева, которая выявила типологические и региональные особенности

городов-заводов, провела ретроспективный анализ развития этого типа поселений. Взаимодействие, конфликты горнозаводских центров и аграрного окружения в хозяйственно-экономической, социально-сословной и культурно-бытовой сферах, а также анализ структуры и деятельности органов городского самоуправления на Урале в XVIII – начале XX вв. представлены в коллективных монографиях Е.Ю. Апкариковой, С.В. Голиковой, Н.А. Миненко, И.В. Побережникова» (с. 7-8).

Так лаконично, буквально в двух предложениях, Копырина характеризует сразу четыре специальные монографии, в которых анализируются многие аспекты, составляющие основной предмет данной диссертации. Откроем, например, специальную книгу Р.М. Лотаревой «Города-заводы России, XVIII–первая половина XIX в.»², опубликованную 30 лет назад, заглянем в ее оглавление, и мы увидим специальные разделы, посвященные госпиталям, культовым сооружениям, проблемам благоустройства. Откроем упомянутую коллективную монографию Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкарикова и С.В. Голиковой «Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века» 2006 года, и мы там найдем огромную главу, название которой почти дословно воспроизводится в формулировке темы диссертации С.Н. Копыриной: «Социально-бытовая инфраструктура и материальная культура городского населения»³. У неискушенного читателя возникает закономерный вопрос: зачем писать диссертацию по теме, которой уже посвящены специальные монографии? К сожалению, четкого ответа на этот вопрос в самой диссертации Сарданы Николаевны мы не находим. Для того, чтобы таких вопросов не возникало, Копыриной следовало подробнейшим образом разобрать (а не просто упомянуть) все работы, в которых предпринимался анализ социальной инфраструктуры на промышленных объектах в России XVIII в. (особенно

---

² Лотарева Р.Н. Города-заводы России, XVIII–первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993.

³ Миненко Н. А., Апкарикова Е.Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С. 12-182.

Урала), а затем соотнести с ними свое исследование, т.е. объяснить читателю, почему ее диссертационное исследование действительно является необходимым (в чем лично я нисколько не сомневаюсь): на какие новые аспекты, на новые источники в данной диссертации обращается особенное внимание и т.д.

При этом, как я уже не раз отмечал выше, новизна в данной диссертации, конечно, присутствует (иначе и быть не может, если в основе исследования лежит исследование множество новых архивных документов), но как бы имплицитно. Может быть, Сардана Николаевна очень торопилась и не успела должным образом осмыслить, что у нее получилось. Но со стороны очень хорошо видно, что ее исследование имеет большой потенциал для формулировки новых и очень перспективных выводов. Так, прочитав эту работу, я осознал простую истину: представления о «социальной инфраструктуре» (т.е. тех «условиях, без которых невозможно развитие материального производства и удовлетворение потребностей населения») и способах воплощения в жизнь ее идеальной модели различались в головах различных администраторов, церковных иерархов и рядовых рабочих. Это порождало почву для разнообразных конфликтов, как между носителями различной власти (например, администраторами заводских поселений и церковных иерархов), так и между субъектами и объектами власти. Не случайно С.Н. Копырина, следуя в своем исследовании за эмпирикой, описывает довольно много конфликтных ситуаций. Кстати говоря, именно конфликт между рабочими и начальством, который активно рассматривается и в диссертации С.Н. Копыриной, очень интересовал самого Альфа Людтке, которые разработал свою знаменитую *Alltagsgeschichte* именно на основе изучения повседневности немецких рабочих⁴.

---

⁴ См., напр.: Людтке А. Рабочие, Eigensinn и политика на германских предприятиях в 1880-е—1914 годы // История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 84-128; Соколов А.К., Журавлев С.В. *Alltagsgeschichte* и изучение рабочей истории в России // Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 28-52.

Итак, диссертация С.Н. Копыриной представляет собой успешную попытку скрупулёзного изучения фундаментальной проблемы, основанного на тщательном анализе и введении в научный оборот огромного количества новых архивных документов. Указанные выше замечания ни в коей мере не умаляют достоинств и значимости работы, которая, несомненно, заслуживает самой высокой оценки и рекомендации к публикации в виде отдельной монографии (разумеется, после доработки текста с учетом высказанных замечаний). Я подтверждаю, что автореферат соответствует содержанию диссертации, а научные статьи С.Н. Копыриной, в которых представлены результаты данного диссертационного исследования, заслуживают самой высокой оценки. Диссертация «Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20-50-е гг. XVIII в.» соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история и требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в УрФУ, а ее автор – Сардана Николаевна Копырина – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Акельев Евгений Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент

Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3

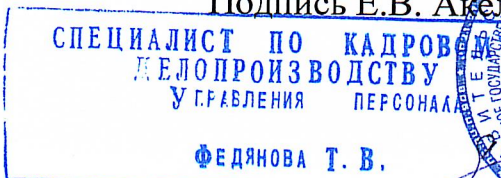
eakelev@hse.ru

Тел.: 8-909-936-94-34

26 августа 2023 г.

Подпись **заверяю**

Подпись Е.В. Акельева **заверяю**

Σ. Нк